

УДК 81'367

Буянова Л.Ю.

Кубанский государственный университет

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, Российская Федерация

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. В данной статье национальная фразеология рассматривается как уникальное хранилище и транслятор этнической и культурно-конфессиональной памяти. Фразеологизмы и поговорки интерпретируются как лингвокогнитивные структуры, фиксирующие и отражающие многовековой жизненный опыт носителей языка, традиции, стереотипы, духовные ценности и мировоззренческие доминанты этноса. Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы о специфике фразеологизма как особого культуросгенного знака языка, о его способности сохранять в своей семантической структуре символично-ассоциативные, ментально-аксиологические и культурно-конфессиональные маркеры, характеризующие национальную картину мира этноса.

Ключевые слова: фразеологизм, поговорка, фразеоконцепт, конфессиональная память, лингвокогнитивная структура, культуросгенный знак, национальная картина мира.

L. Buyanova

Kuban State University

350040, Krasnodar, Stavropol street, 149, Russian Federation

NATIONAL PHRASEOLOGY AS ETHNO-CULTURAL AND CONFESSIONAL MEMORY REPRESENTATION

Abstract. The author of the article considers national phraseology as a unique depository and a means to transmit ethnic, cultural and confessional memory. Phraseological units and proverbs are interpreted as linguocognitive structures that fix and reflect native speakers' centuries old experience, traditions, stereotypes, spiritual values and worldview dominants of an ethnos. As a result of the conducted research conclusions can be drawn about the specificity of a phraseological unit as a special culturogenic indication of a language, about its ability to retain symbolic, associative, mental, axiological, cultural and confessional markers in its semantic structure. These markers characterize national worldview of an ethnos.

Keywords: phraseological unit, proverb, phraseoconcept, confessional memory, linguocognitive structure, culturogenic indication, national worldview.

Славянские языки представляют собой важнейший семиотико-прагматический код духовной культуры единого славянского мира. Будучи ментально-знаковым основанием национальной культуры, они концептуализируют и отражают все её базовые элементы, репрезентируя в вербализованном виде национальные формы жизни того или иного славянского народа и его психологию.

Русская культура, сотни лет транслирующая мировой цивилизации идеалы духовности, нестяжательства, взаимопомощи, сострадания, милосердия и т.д., запечатлена в национальном языке, в том числе в его фразеологическом фонде, который как **этногенетический код** сохраняет преемственность и константность национального мировидения и самоидентичности, отражает важнейшие жизненные принципы: *На Бога надейся, а сам не плошай; Всякое даяние – благо; Грех не смех, когда придёт смерть; Беда не страшит, а путь кажет; Вся семья вместе, так и душа на месте* и др. [12].

Картина русского мира содержит различные фрагменты языковых полей, важнейшим из которых для репрезентации его специфики следует признать **фразеологическое** поле.

Фразеологическая картина мира (ФКМ) представляет собой вербализованный результат когнитивной процессуальности мышления, которая связана с категоризацией и фразеологической концептуализацией действительности, с фиксацией и представлением в образной форме быта, традиций, обычаев и ментальности народа. ФКМ – это уникальный семиотико-ментальный конструкт, языковое отражение жизни народа, его национального духа, этнического самосознания, которые представлены и аккумулированы в семантике фразем, паремий и иных устойчивых выражений. В процессе фразеологической концептуализации русской действительности эксплицируется феномен вторичной антропологизации языка, связанный с влиянием самых различных картин мира личности – наивно-бытовой, философской, архетипической, религиозной, мифологической, художественно-поэтической, научной, психологической, конфессиональной, этноконфессиональной и др.

А.Я. Гуревич признаёт, что ментальность – это специфический способ видения мира: «Ментальность – тот незримый *минимум* духовного единения людей, без которого невозможна организация любого общества. Ментальность народа актуализируется в наиболее важных культурных концептах языка» [6, с. 49]. Считаём, что *ментальность* следует рассматривать уже как **катеорию языковую**, которая является результатом обобщения лингвистического и культурно-философского и религиозного опыта, полученного в процессах познания мира, отражает наиболее существенные корреляции объективной действительности, её оценки, мышления и языка,

реализуясь в способности (свойстве) конкретного знака языка различного уровня с помощью особых когнитивно-вербальных механизмов эксплицировать и воспроизводить по определённым языковым правилам семантику (признак) национально-культурного видения мира [2]. Ментальность во многом определяет структуру и языковую представленность важнейших для россиян понятий, формирует смысловозначительный механизм нашего сознания и национальную аксиосферу в целом. Фразеологизмы, как никакие иные знаки языка, выступают ментальными маркерами национальной культуры и картины мира этноса.

Главным, ключевым фразеоконцептом русской ФКМ и русской лингвокультуры в целом выступает концепт *Человек*, в котором отражены важнейшие представления русского народа о человеке как члене социума, в оценочном ключе представлены лингвистические характеристики всех ипостасей бытия человека, начиная с внешнего вида до специфики поведения в определённых ситуациях. Интересна и сложна этимология лексемы «человек». Если исходить из семантико-деривационного анализа, то получается, что слово «selovekъ», как противоположное по количественной семантике слову «ludъje», выражает когнитивный признак единичности, то есть «некто (один) из людей». Именная семантика «человек» и местоименная (неопределённо-личная) смысловая аспектность «некто, кто-то, кто-нибудь» нередко репрезентируют идентичное – в формальном плане – значение. Все эти данные дают основание предположить местоименный параметр праславянской единицы «selovekъ», что позволяет установить определённую корреляцию с *koli-vekъ (регионально славянской формой) – «кто-нибудь», первая основа которой выступает ранней формой, преобразившейся в праславянском в sele-, seli-. Вторая же основа интерпретируется как «возраст», «сила». В целом, на основании существующих этимологических данных, понятие «человек» определяется через следующие когнитивные классификаторы: человек как «дитя рода», как «тот, кто обладает силой» и как «кто-нибудь», что означает любого, каждого представителя рода.

Отметим, что различные лексикографические источники (толковые и энциклопедические) представляют следующие базовые вербальные идентификаторы данного понятия: человек – это 1) «создание», 2) «существо», 3) «субъект», 4) «система». В.И. Даль в своём словаре так определяет человека: «Человек – каждый из людей, высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесной речью» [7, с. 707]. Из данной дефиниции следует, что «высшее из земных созданий» предполагает существование «низших земных созданий»; лексема «создание» предполагает в своей деривационно-семантической парадигме лексему «создатель». В отношении к человеку – это может быть существо более высшего порядка – Тво-

рец, Бог или высокоорганизованная система, породившая его, – Природа. Человек, как высшее по отношению к природе существо, отождествляет собой образ Творца, являясь особым – одухотворённым, духовным – творением. Все отмеченные аспекты понятия человека широко фразеологизированы в русской лингвокультуре и репрезентированы системой соответствующих фразеологических единиц. При исследовании фразеологического поля / пространства «человек» обнаруживается интересный факт, свидетельствующий о том, что семантико-смысловая и когнитивно-аксиологическая системность антропокваликативных ФЕ формируется главным образом из эмоций, культурных установок, оценочного компонента.

Концепты-понятия морально-нравственной сферы интерпретируются нами как упорядоченный, осознанный и ценностно значимый культурный и – самое главное – *духовный*, нравственно-этический опыт нации, который репрезентирован, сохранён и охарактеризован вербальными единицами **государственного языка**. В структуре каждого концепта-понятия можно выделить составные части – образную (совокупность представлений, образов, символов), понятийную (языковая репрезентация посредством простых и сложных номинаций денотатного ряда и/или класса), аксиологическую (семиотическая репрезентация этнокультурных духовных, религиозно-конфессиональных, морально-нравственных, социально-исторических, традиционных ценностных доминант) и сакрально-конфессиональную (экспликация языковыми единицами религиозных традиций, приоритетов и ценностей). Максимально репрезентативными языковыми единицами в этом аспекте являются фразеологизмы и поговорки, которые можно интерпретировать как вербализованное языковое и ментальное сознание многих поколений носителей национального языка, зафиксировавшее в образно-оценочной форме картину мира и образ человека как выразителя национального духа.

Русский фразеологизм является особым когнитивно-аксиологическим знаком, с помощью которого формируется и развивается русская языковая национальная картина мира [4].

В XXI в. на первый план в исследованиях феномена фразеологического семиозиса выходит интерпретация ФЕ как особого этнокультурного знака в рамках когнитивно-дискурсивного направления. Фразеологизм как устойчивое выражение, как коллективная константа исторической памяти – в самом широком смысле – представляет собой семиотизированный маркер национального своеобразия историко-культурного и духовно-конфессионального развития конкретного этноса, социума. Особенности ландшафта, природы, климата, быта, условий хозяйствования, традиций, обычаев, стереотипов поведения, оценок и т.д. формируют ту семантико-смысловую

«оболочку», содержательность ФЕ, в которой репрезентируются уникальные для данного этноса и его культуры кванты / фрагменты знания о нём. Особенно наглядно это демонстрируют устойчивые сравнения и паремии разных лингвокультур. Так, одним из этноключевых понятий, вызывающих ассоциацию именно с Россией, во фразеологическом фонде русского языка выступает **снег** (обусловленность суровыми зимами), а с Англией – **вода** (обусловленность дождливым климатом): в русском языке отрицательная оценка очень жадного человека выражается через ФЕ «(у кого) зимой снега не выпросишь»; см. также образ снега в ФЕ «свалиться как снег на голову» и др. В английской лингвокультуре отрицательная оценка слабовольного, малодушного человека сопряжена с образом **воды**: «as weak as water» – *слабый как вода*; отрицательная оценка очень злого человека также сопряжена с образом чего-кого-то **мокрого** от воды: «as mad as a wet hen» – *злой как мокрая курица*; очень медлительного человека сравнивают с **дождливой** неделей: «as slow as a wet week» – *медленный как дождливая неделя* и т.п. Следует сразу подчеркнуть, что 68,2 % русских ФЕ репрезентируют отрицательную оценку и отрицательное отношение к выражаемому ими нравственному качеству или характеристике человека и его поведенческих реакций. Отрицательная оценка, передаваемая посредством семантики ФЕ, дифференцируется на следующие эмоционально-экспрессивные стратумы: неодобрение (*без царя в голове*); пренебрежение (*мозги набекрень*); презрение (*как мокрая курица; плевка не стоит*); ирония (<сидеть; быть> *как сирота <казанская>*); осуждение (<быть, ходить> *как в бреду; как пьяный*) и т.п. [см.: 8; 13].

В то же время подсчитано, что 31,8 % русских фразем отражают положительные коннотации и положительную оценку репрезентируемых феноменов: «*собака помнит, кто её кормит*»; «*боек: хоть у попа кобылу выпросит*»; «*смелый там найдёт, где робкий потеряет*»; «*мудрый как змий*» и др. [см.: 8; 13; 14].

Значительный корпус русских ФЕ и паремий содержит в качестве своих компонентов самые разнообразные номинации животных и растений, которые в этом случае выполняют функцию символизации и соответствующей оценки образа человека: «*рыться, копать в чём-либо как крот*»; «*гусь да гагара – два сапога пара*»; «*гусь козлу не брат*»; «*гусь свинье не товарищ, конный пешему не попутчик*»; «*волка зубы кормят, лису хвост бережёт*»; «*видом орёл, а умом тетерев*»; «*собаку съел, да хвостом подавился*»; <смотреть, уставиться> «*как бык на красное*»; «*как кролик на удава*»; «*как филин*» и мн. др. [см.: 8; 12].

Образы *гадюки* и *змеи* русская культура обычно соотносит с понятиями низа, низости, нижней векторности, так как пресмыкающиеся – это в основном ползающие вниз особи. На Востоке, наоборот, змея пользу-

ется уважением и выступает символом мудрости, воли и прозорливости. Библейский образ «змея-искусителя» и фольклорный образ *Змея Горыныча* также обусловили формирование у народов особого отношения к ним и особой интерпретации этих символических констант: «*хитрый как змей*»; «*<шипеть> как змея*»; «*<извиваться, изгибаться, вертеться> как змея/змейка*»; «*<ползти> как змея*»; «*<ползти> как ящерица*»; «*<ползти> как уж*» [см.: 8].

Номинации **растений** как символично-метафорическая основа формирования фразеологической картины мира издавна обращали на себя внимание исследователей [см.: 9]. Однако отдельные образы-номинации **мира флоры** репрезентируют в своём семантическом каркасе такие когнитивные признаки, как «пассивность», «приземлённость, привязанность к земле», «обыденность, незаметность» и др. Например, во ФЕ «*лопух лопухом*», опирающемся на образ неприхотливого растения, которое произрастает на пустырях, на сорных площадках, около заборов и домов, актуализируется признак простодушия, наивности, простофильства. Человека, характеризующегося ограниченными умственными способностями, часто сравнивают с **дубом**, **елью**, которые образно символизируют интеллектуально-умственную негибкость, неподатливость, «твёрдолобость»: «*тупой как дуб*». В то же время **дуб** символизирует в русских ФЕ и крепкое здоровье: «*крепкий как дуб*» [8].

Фразеология представляет собой этноспецифический когнитивно-дискурсивный конструкт, а её единицы как коммуникативно-динамическое средство дискурсивной практики членов социума выражают и отражают этнокультурные и духовно-конфессиональные особенности его исторического и цивилизационного развития. По мнению учёных, «как сложное коммуникативное явление, включающее речемыслительную и экстралингвистическую информацию, <...> дискурс является ещё и наиболее естественной средой смыслопорождения и знакообразования. Такого рода знакообразования способны к репрезентации достаточно объёмной культурной информации, одновременно ценностно-смысловой, мировоззренческой и лингвистической» [1, с. 159]. Фразеологизмы и поговорки национального языка в условно-образной, экспрессивно-эмоциональной форме транслируют всю систему знаний конкретного народа о мире, причём эти знания возможно стратифицировать на определённые **тематико-когнитивные модули** (фразеоконцепты), значимые для православной лингвокультуры и профессиональной памяти: «Человек», «Мораль и нравственность», «Черты и свойства характера», «Добро и Зло», «Поведение и поступки», «Положительные оценки», «Отрицательные оценки», «Быт», «Здоровье», «Красота», «Деньги и богатство», «Мужчина», «Женщина», «Семья», «Труд» и др. Русская фразеологическая картина мира отражает такую тенденцию, что

в русской лингвокультуре ФЕ и паремии с феминным когнитивным признаком рисуют женщину в основном отрицательными «красками»: «Жена взбесилась и мужа не спросилась», «Жена льстит – лихое норовит», «Девичий стыд до порога: как переступила, так и забыла», «Баба и чёрта перехитрит», «<трусливый, пугливый> как баба», «как драная кошка» и др. В русских ФЕ и паремиях, таким образом, посредством культурно значимых коннотаций представлена особая модель мировосприятия и мироинтерпретации, знание которой во многом облегчает процессы межкультурной коммуникации [см.: 10]. Как отмечает исследователь, «значительная часть коннотативных «наращений» вообще никак не представлена в словарях и материализуется лишь в контекстах и фразеологизмах или пословицах, сравнениях. Коннотации специфичны для каждого языка, именно в них часто и выражается национально-языковое своеобразие» [11, с. 10].

Все единицы национального фразеологического фонда в прагматическом плане выступают в качестве (в функции) семиотических регулятивов, фиксируя и отражая в образно-символьной форме модель поведения членов социума, особенности их внешнего облика, черты характера, традиции и обычаи народа, систему оценок всего, что формирует фразеологическое пространство «человек».

Отражая жизненный опыт и народную мудрость, духовно-православную и ценностную картины мира русских, ФЕ и паремии характеризуются экспрессивной метафоричностью, символичностью, образностью, что обуславливается особыми семантическими параметрами ФЕ как знака когниции. Репрезентируя православно-гуманистическую этическую систему, русские **конфессиональные** ФЕ и паремии, содержащие лексический компонент «грех» и его дериваты, формируют особый духовно-нравственный слой национальной концептосферы: «грех не беда, молва нехороша», «грех не смех, когда придёт смерть», «грех не уложить в мех», «грехи сладки, а люди падки» и др. [12].

В конфессионально-национальных ФЕ и паремиях, представляющих собой этнокультурные доминанты и константы, выражено специфическое отношение русского этноса к фундаментальным категориям бытия: к *деньгам, богатству и бедности*. **Православная этика** обычно осуждает богатство, характеризуя его как грех перед Господом, если оно нажито бесчестным способом или трудом несправедливым: «Богатство человека от смерти не избавит», «Богат, да не богу брат», «Богатому душа дешевле гроша», «Богатство – грязь, ум – золото» и др. [12].

Лингвоконфессиональный подход к исследованию языка свидетельствует о том, что национальные языки могут быть *разными*, но общая конфессиональная культура обуславливает наличие в них общих базовых

лингвоконцептов, конфессиональных концептов и/или иных языковых явлений. Например, ключевым понятием **православия** и православной этики (русский, украинский, белорусский, греческий языки) выступает религиозный концепт «**душа**», а **протестантизма** (английский, немецкий и др. языки) – концепты «**труд**» и «**успех**» и т.п. [5]. В русских ФЕ и паремиях одним из самых частотных компонентов выступает лексема «душа», а в английском и немецком – лексемы «*работа*» и «*труд*» и их дериваты. Например, в русском языке: *душа – всему мера; душу вложишь – всё сможешь; душа нараспашку; вложить душу; широкая душа; душа Божья; простая душа; родственная душа; святая душа; не чаять души в ком-либо* и мн. др. [см.: 12; 14]. В английском и немецком языках: *Упорная работа ещё никому вреда не принесла; Если работу стоит делать, то стоит делать её хорошо; Плохой работник ругает свои инструменты; Не можешь делать хорошо, делай тщательно* и др.

Протестантская этика основывается на **принципах бережливости, дисциплинированности и трудолюбия**, в то время как православная этика подчёркивает необходимость для человека **благодати, милости и прощения грехов**, источником чего является Бог. Разная конфессиональная принадлежность – православие и протестантизм – через сакральные тексты обусловила разные контексты и ассоциации у многих слов и ФЕ русского и английского языков, в том числе и у лексемы «душа», которая в православном сознании имеет другие смыслы, сохранившиеся до настоящего времени в языковом пространстве.

Фразеология каждого из языков репрезентирует уникальные конфессионально-культурные ценности в пространстве фразеологической картины мира. Каждый национальный язык не только закрепляет, аккумулирует и хранит в своих фразеологических единицах смыслы, символы, образы, ассоциации, знаки, концепты, постулаты, заповеди и установки конкретной конфессии, но и способствует тому, что все они воспроизводятся в *конфессиональной памяти* и менталитете народа из поколения в поколение [5].

Уникальную этнокультурную семиотическую сферу русской фразеологии репрезентируют те фразеологические единицы, которые представляют морально-этические ценности и нормы поведения и взаимоотношений между людьми, закреплённые в *десяти божественных заповедях*. Как отмечает Л.Ю. Буянова, нравственные доминанты библейских законов были восприняты и интерпретированы русским национальным сознанием под влиянием религиозного сознания, выступающего в роли специфической моделирующей системы. «Классификация фразеологизмов по критерию актуализации библейских заповедей, которые выступают в этом случае прецедентными текстами, позволяет систематизировать религиозно-культур-

ный фрагмент общей фразеологической картины мира. Концептуализация заповедей посредством ФЕ осуществляется не прямо, а в скрыто-метафорической форме, такие фраземы выражают негативное отношение к нарушению соответствующей религиозной нормы и дают ему резко отрицательную оценку в образно-экспрессивной форме» [3].

Русский фразеологический континуум – это особая форма межпоколенной коммуникации, передающая потомкам на протяжении многих веков в неизменном виде основанное на опыте знание об окружающем мире, об историко-культурных и религиозно-конфессиональных ценностях, доминантах и константах. Опираясь на этот нравственный опыт, поколения россиян и сегодня продолжают жить в православных этических традициях и в соответствии с завещанными и переданными (в том числе через фразеологический семиозис) заповедями-законами *Милосердия* («Любовь всё побеждает»), *Совести* («Совесть верный советник»), *Сострадания* («Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу») и *Любви* («Мир и любовь – всему голова») [12].

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М., 2009. 344 с.
2. Буянова Л.Ю. Язык и ментальность: специфика взаимосвязи // Язык и ментальность: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. СПб.: СПбГУ, 2010. Серия «Славянский мир». Вып. 5. С. 15–20.
3. Буянова Л.Ю. Фразеологизм как вербально-ментальное средство концептуализации мира: этнокогнитивный аспект // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 4(47). С. 98–101.
4. Буянова Л.Ю. Русские пословицы и поговорки как этнокультурные константы: ментально-аксиологический аспект // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия: Филологические науки. 2014. № 77. С. 60–62.
5. Буянова Л.Ю. Лингвоконфессиология в системе современной гуманитарной гносеосферы: методологический инструментарий и понятийный аппарат // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. 2014. № 21. С. 23–26.
6. Гуревич А.Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. 241 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2003. 736 с.
8. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. М.: Флинта, Наука, 2013. 316 с.
9. Маркова Е.М. Названия растений в русском языке как отражение фрагмента языковой картины мира славян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 1. С. 84–92.

10. Маркова Е.М. Культурные коннотации вторичных номинаций при обучении русскому языку как инославянскому // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2013. № 1. URL: <http://evestnik-mgo.ru/Issues/View/11> (дата обращения: 03.09.2016.)

11. Маркова Е.М. Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имён существительных): монография. М., 2014. 312 с.

12. Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. М., 1988. 431 с.

13. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 1995. 395 с.

14. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1978. 543 с.

References:

1. Alefirenko N.F. «Zhivoe» slovo: Problemy funktsional'noi leksikologii: monografiya ["Live" Word: Problems of Functional Lexicology: Monograph]. M., 2009. 344 p.

2. Buyanova L.YU. *Yazyk i mental'nost': spetsifika vzaimokorreljatsii* [Language and Mentality: The Specificity of Interrelation] // *Yazyk i mental'nost': sbornik statei / otv. red. M.V. Pimenova. (Seriya «Slavyanskii mir». Vyp. 5)* [Language and Mentality: Collection of Articles / Ed. M.V. Pimenov]. SPb., SPU, 2010 ("Slavic World" Series. Vol. 5), pp. 15–20.

3. Buyanova L.YU. *Frazeologizm kak verbal'no-mental'noe sredstvo kontseptualizatsii mira: etnokognitivnyi aspekt* [Idiom as Verbal and Mental Means of Conceptualizing the World: Ethnocognitive Aspects] // *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [The Cultural Life of the South of Russia], 2012, no. 4(47), pp. 98–101.

4. Buyanova L.YU. *Russkie poslovitsy i pogovorki kak etnokul'turnye konstanty: mental'no-aksiologicheskii aspekt* [Russian Proverbs and Sayings as an Ethno-Cultural Constants: Mental-Axiological Aspect] // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo. Seriya «Filologicheskie nauki»* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University. Series "Philological Sciences"] 2014, no. 77, pp. 60–62.

5. Buyanova L.YU. *Lingvokonfessiologiya v sisteme sovremennoi gumanitarnoi gnoseosfery: metodologicheskii instrumentarii i ponyatiinyi apparat* [Linguoconceptology in the System of Modern Humanitarian Gnososphere: Methodological Tools and Conceptual Apparatus] // [Mova: naukovо-teoretichnii chasopis z movoznavstva], 2014, no. 21, pp. 23–26.

6. Gurevich A.YA. *Chelovek i kul'tura: Individual'nost' v istorii kul'tury* [People and Culture: Individuality in the History of Culture]. M., 1990. 241 p.

7. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya* [Explanatory dictionary of the Russian language. The modern version]. M., 2003. 736 p.

8. Lebedeva L.A. *Ustoichivye sravneniya russkogo yazyka: tematicheskii slovar'* [Sustainable Comparison of the Russian Language: Thematic Dictionary]. M., Flinta, Nauka, 2013. 316 p.

9. Markova E.M. *Nazvaniya rastenii v russkom yazyke kak otrazhenie fragmenta yazykovoi kartiny mira slavyan* [Names of Plants in the Russian Language as a Reflection of the Fragment of the Language Picture of the World of the Slavs] // *Vestnik Moskovsk-*

ogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2007, no. 1, pp. 84–92.

10. Markova E.M. *Kul'turnye konnotatsii vtorichnykh nominatsii pri obuchenii russkomu yazyku kak inoslavyanskomu* [Elektronnyi resurs] [Cultural connotations of Secondary Nominations in Teaching Russian as a Foreign Language [Electronic Source]] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow State Regional University (E-journal)], 2013, no 1. URL: <http://evestnik-mgou.ru/Issues/View/11> (request date 03.09.2016)

11. Markova E.M. *Semanticheskaya evolyutsiya praslavyanskoi leksiki (na materiale imen sushchestvitel'nykh): monografiya* [The Semantic Evolution of the Proto-Slavic Vocabulary (on the Material of Nouns): Monograph]. M., 2014. 312 p.

12. *Russkie posloviцы i pogovorki / pod red. V.P. Anikina* [Russian Proverbs and Sayings / ed. by V.P. Anikin]. M., 1988. 431 p.

13. Fedorov A.I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. M., 1995. 395 p.

14. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka / pod red. A.I. Molotkova* [Phraseological Dictionary of the Russian Language / ed. by A.I. Molotkov]. M., 1978. 543 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Буянова Людмила Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета; e-mail: lub_prof@mai.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Buyanova Ludmila Yu. – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian linguistics, Kuban State University; e-mail: lub_prof@mai.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Буянова Л.Ю. Национальная фразеология как репрезентация этнокультурной и конфессиональной памяти // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Buyanova L.Yu. National Phraseology as Ethno-Cultural and Confessional Memory Representation // Bulletin of Moscow State Regional University (e-journal), 2016, no. 4. URL: www.evestnik-mgou.ru